

С.С. Грецкая

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ «МЕТИССКОГО ФУТУРИЗМА» КАК СРЕДСТВА (РЕ)КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; gnole_fungle@mail.ru

Аннотация. В фокусе внимания настоящей работы находится «метисский футуризм» как концепция культуры, позволяющая автору реализовать, конструировать и видоизменять в художественном тексте культурную, личностную и прочие виды идентичности.

На материале сборника малых прозаических форм «Buffalo Is the New Buffalo» писательницы Ч. Вауэлл, представляющей культуру канадских метисов, сопоставляются провозглашаемые автором термина установки и их воплощение в ее художественном тексте. Рассматриваются ключевые экстралингвистические и лингвистические признаки «метисского футуризма», актуализируемые в художественном тексте, а также роль «метисского футуризма» как метаконцепта в идиоконцептосфере автора.

С учетом отмеченной гибридности жанров, постколониальной спекулятивной риторики, опоры на комплекс значимых для канадских метисов и других культур Первых народов Канады концептов, а также активного использования речевой стратегии дискредитации и неанглоязычных единиц, скрывающих смыслы, которые в большинстве случаев аудитория должна декодировать самостоятельно, делается вывод об интерпретирующей функции «метисского футуризма»: данный метаконцепт делает возможной максимальную персонализацию формата и содержания художественного текста, благодаря чему автору удается эффективно (ре)конструировать в тексте и посредством текста различные виды идентичности, привлекая к этому процессу целевую аудиторию, как принадлежащую к его культуре, так и не принадлежащую.

Ключевые слова: метаконцепт; интерпретирующая функция концепта; метисский футуризм; (ре)конструирование идентичности в художественном тексте

Грецкая Софья Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, gnole_fungle@mail.ru

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Грекая С.С. Экстралингвистические и лингвистические признаки «метисского футуризма» как средства (ре)конструирования идентичности в художественном тексте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 1. С. 37–51. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-3

В современном мире, разрываемом процессами глобализации и глокализации, — в условиях непрекращающихся поисков новых способов конструирования, переосмысления и актуализации самых разных видов идентичности — обращает на себя внимание очередной виток тенденции высвечивать традиционную культуру в различных произведениях литературы, живописи, музыки и т.п. на фоне преувеличенно технологичного или даже постапокалиптического ближайшего или далекого будущего. Уже весьма широко известны такие концепции культуры и связанные с ними метаконцепты [см. Ефимова, 2022], как афрофутуризм (“Afrofuturism”) и футуризм коренных народов (“Indigenous futurism”), актуализирующие стремление представителей соответствующих культур в различных видах искусства восстановить и упрочить связь с их культурными корнями, найти путь к духовному исцелению и самоосвобождению благодаря помещению именно традиционных культур, к которым они принадлежат, в фокус внимания в контексте будущего (что крайне важно ввиду того, что западная цивилизация на протяжении многих лет в истории человечества своей европоцентричной риторикой отказывала неевропейским культурам в самоценности и долгосрочных перспективах), а также рассмотрению их в альтернативных версиях истории и фантазийной реальности¹. С учетом функции, выполняемой подобными метаконцептами в дискурсе, представляется логичным отнести их к типу репрезентирующих концептов в терминологии Н.Н. Болдырева [Болдырев, 2016].

Пополнением в рядах подобных метаконцептов можно считать сложное с точки зрения структуры ментальное образование с име-

¹ См., например, *Womack Y.L. Afrofuturism: The World of Black Sci-Fi and Fantasy Culture. Lawrence Hill Books, 2013. 224 pp.*

нем «метисский футуризм» (“Métis futurism”), о котором заявляет в опубликованном в 2022 году сборнике «Buffalo Is the New Buffalo»² канадская писательница и педагог Челси Вауэлл. В рамках настоящего исследования проводится сопоставление провозглашаемых автором термина установок и их воплощения в ее художественном тексте с целью выявления ключевых экстралингвистических и лингвистических черт, характеризующих «метисский футуризм» как концепцию культуры, а также анализируется функция «метисского футуризма» как метаконцепта в авторской идиоконцептосфере.

В качестве эмпирического материала выступает вышеупомянутый сборник малых прозаических форм «Buffalo Is the New Buffalo». Выбор материала обусловлен, во-первых, тем, что именно в предисловии к содержащимся в нем произведениям Ч. Вауэлл впервые предлагает использовать термин “Métis futurism” для обозначения концепции, которая определяет их форму и содержание, и акцентирует внимание на нетождественности метисского футуризма и футуризма коренных народов. Во-вторых, считаем важным тот факт, что данный сборник включает не только художественные тексты, созданные в русле метисского футуризма, но и комментарии к ним самой писательницы, а также перечень источников, в т.ч. научных, которые призваны помочь читателю постичь авторский замысел, что (при условии осознанной работы аудитории с текстом) значительно снижает вероятность принципиально иной интерпретации тех или иных развиваемых в произведениях тем, используемых языковых единиц и стилистических приемов.

Итак, характеризуя художественные тексты, объединенные в сборник «Buffalo Is the New Buffalo», Ч. Вауэлл в предисловии отмечает, что в ее случае целесообразно пользоваться именно термином «метисский футуризм», а не «футуризм коренных народов», поскольку любому человеку, в особенности представляющему группу меньшинства в поликультурном обществе в эпоху постколониализма, необходимо понимать, каково его место в жизни, какие отношения и обязательства связывают его с членами своего и других сообществ (ведь без этого нельзя говорить ни о формировании и поддержании личностной идентичности, ни об обеспечении культурной преемственности), а определять себя как члена всех групп коренных народов одновременно (в числе которых Ч. Вауэлл назы-

² *Vowell C. Buffalo Is the New Buffalo. Arsenal Pulp Press, 2022. 342 pp.*

вает наряду с инуитами, Первыми народами и метисами Северной Америки представителей негроидной расы) по объективным причинам невозможно³. Поскольку автор характеризует себя как выходца из культурной среды метисов, а конкретно — метисов, исторически проживавших на территории современного округа Лак Сент-Анн в провинции Альберта (“manitow-sâkahikan”), она не видит иных вариантов, кроме как обозначить русло своей работы с помощью термина “Métis futurism”.

Что же касается сущности данного течения в литературе, музыке, моде, играх и т.п., с точки зрения Ч. Вауэлл, метисский футуризм — это не просто спекулятивная фантастика «в исполнении» автора-метиса. Речь идет о реализации «риторической суверенности» (“rhetorical sovereignty”) в терминологии С. Лайонза, под которой последний понимает «неотчуждаемое право и способность народов определять свои коммуникативные нужды и желания на пути к их реализации» (“the inherent right and ability of peoples to determine their own communicative needs and desires in this pursuit”) [Lyons, 2000: 449]. В соответствии с концепцией Ч. Вауэлл, метисский футуризм дает не только автору, но и аудитории (причем не только канадским метисам — “You don’t have to be Métis to get it!”) возможность «думать иначе» (“thinking otherwise”) — строить в своем сознании миры и представлять будущее на основе традиционных воззрений метисов, т.е. обеспечивает их инструментом, позволяющим не только и не столько продемонстрировать и прочувствовать тоску по несбыточному сценарию развития родной культуры, абсолютно свободной от оков колониального менталитета, но и актуализировать, осмысливать и переосмысливать свою идентичность, прошлое и настоящее, а также конструировать здоровое будущее для потомков.

Представляется, что использование писательницей элементов научной фантастики и спекулятивной фантастики не требует отдельных комментариев, так как этот сущностный компонент объединяет метисский футуризм с футуризмом коренных народов и афрофутуризмом. Хотелось бы подробнее остановиться на его отличительных чертах — наиболее ярких для не принадлежащего к культуре метисов читателя экстралингвистических и лингвистических признаках метисского футуризма Ч. Вауэлл, помогающего автору анализировать и синтезировать в художественном тексте свою идентичность. Уже в предисловии автор перечисляет имена

³ Ibid. Preface.

ряда ключевых для культур Первых народов и метисов концептов: “wâhkôhtowin” (представление о важности взаимоотношений (и необходимости поддерживать их) не только с родственниками, друзьями, членами одной общины, представителями одного народа, но и о теснейшей взаимосвязи всего в мире, в т.ч. о родстве человека с нечеловеческими сущностями)⁴; “miyo-wicêhtowin” (принцип поддержания хороших отношений с окружающими)⁵; “miyo-rimâtisiswin” (следование по жизни правильным путем, хорошая жизнь) [Ghostkeeper, 1995]; “wîtaskiwin” (гармоничное сосуществование людей друг с другом на земле и с этой самой землей) [McLeod, 2007].

Все они актуализируются в текстах, вошедших в сборник. Так, например, в рассказе «A Lodge within Her Mind» сознание героини оказывается сопряжено в виртуальной реальности с сознанием самки канадского бобра, и в силу невозможности в течение длительного периода времени вернуться в мир реальный, вновь обрести контроль над своим человеческим телом, девушка вынуждена как бы существовать в теле бобрихи: она знакомится с мироощущением и образом жизни животного, смотрит на мир ее глазами и в итоге приходит к осознанию того, что бобриха так же, как и она сама, изголодалась по общению с себе подобными, переживает те же эмоции, что и человек (“One night, as they lay in the cozy sleeping den, she sent out a tentative tendril of sympathy to the beaver. It was met with surprise, but the beaver understood. It could not leave this place empty of other beavers, of the possibility of family, but it had never lost hope that one day, it would dive into these tranquil waters and discover a new presence”)⁶. Подобным образом складывается ситуация в рассказе «I, Bison»: героиня узнает, что ее погибшая кузина до своей кончины втайне от близких приняла участие в эксперименте, связанном с эмуляцией мозга, в результате чего ее сознание оказалось оцифровано и продолжает существовать в виртуальной оболочке равнинного бизона, причем чувствует себя среди таких цифровых бизонов намного комфортнее, чем при жизни среди людей, что в очередной раз позволяет автору подчеркнуть значимость взаимосвязи всего

⁴ Dion S. Wâhkôhtowin: The Value of Relationships Amid Crisis // The Quad, 2020. URL: <https://www.ualberta.ca/the-quad/2020/05/wahkohtowin-the-value-of-relationships-amid-crisis.html> (accessed: 01.12.2024).

⁵ Cardinal H., Hildebrandt W. Treaty Elders of Saskatchewan: Our Dream Is That Our Peoples Will One Day Be Clearly Recognized as Nations. University of Calgary Press, 2000.

⁶ Vowell C. Buffalo Is the New Buffalo. Arsenal Pulp Press, 2022. A Lodge within Her Mind.

в мире, родства в широком понимании, а также взаимного уважения (“Bison don’t think of other bison as less than, or more than; we’re just bison”)⁷.

О гармонии между людьми, а также людьми и средой, которую разрушают колонизаторы, речь идет, например, в тексте «Buffalo Bird», где рассматривается альтернативный вариант истории — если бы Железная конфедерация не была уничтожена и продолжила выполнять функции барьера, защищающего коренное население от американской и канадской экспансии; а также в «Maggie Sue», где героиня встречает лисицу-духа в человеческом облике и чудесным образом переносится на равнину, где несметные полчища живых существ, от диких бизонов до пресмыкающихся и неразличимых в густой траве насекомых, оплакивают огромные потери своих братьев и сестер (“The rumble rose to a low moan, and at first, I thought I must be making that guttural sound, but it was too big for one human body. It continued to rise to a keening; the throats of millions of animals, not just buffalo, joined in mourning. I tried closing my eyes, but the neon pinks and greens were burned into my brain, and still they fell; they fell, bulls, cows, calves, and all”)⁸. Животные держат совет, не истребить ли человечество, не разрушить ли города и «перезапустить» жизнь без человека, в итоге председательствующий на собрании Висакечак (мифологический персонаж, с которым связан концепт родства всего сущего, который учит порядку и которого равнинные кри называют по имени лишь зимой, а в другое время года — Старшим Братом), уже в рассказе «I, Bison» приходит к заключению о том, что уничтожать человеческую цивилизацию пока не стоит — все-таки люди хотя бы занялись реинтродукцией равнинных бизонов, а дальше будет видно (“The council had been clear. Despite everything these humans had done, forgiveness was possible”)⁹.

Важность поддержания отношений с окружающими и ведения хорошей, правильной жизни в соответствии с традиционными учениями метисов наиболее ярко из всех произведений сборника «Buffalo Is the New Buffalo», на наш взгляд, раскрывает рассказ «Michif Man» о мужчине, который становится жертвой радиоактивного бизона и обретает суперсилу, а также способность оставаться в памяти только тех людей, с кем он связан родственными узами. Благодаря этому он многократно отстаивает интересы метисов

⁷ Ibid. I, Bison.

⁸ Ibid. Maggie Sue.

⁹ Ibid. I, Bison.

и наказывает белых колонизаторов за злодеяния (не прибегая к физическому насилию, поскольку это противоречит традиционным ценностям метисов), но при этом не подвергается репрессиям со стороны последних, ведь его действия и лицо забываются ими, стоит им отвернуться (“These stories may seem underwhelming to those of us accustomed to the hyperbolic feats of comic book superheroes, but our research demonstrates that Michif Man used his superpowers in culturally relevant ways that fulfilled the needs of reciprocity, kinship, and community. As he was clearly unable to receive acclaim or fame outside of his community, he directed his efforts toward raising up the whole people. In doing so, he aided in extraordinary communal acts of resistance against ongoing settler colonial violence against Métis people, and circumvented or outright subverted bureaucratic processes intended to subjugate, discipline, or punish Métis who refused to assimilate into a Canadian model of citizenship”)¹⁰.

Помимо вышеупомянутых концептов, значимых для многих коренных народов Канады, в произведениях сборника «Buffalo Is the New Buffalo» актуализируется и традиционное нелинейное представление о времени как о континууме, в котором сопряжены настоящее, прошлое и будущее. Провозглашаемый автором принцип метисского футуризма — конструирование будущего метисов вокруг их прошлого, принятие космологии метисов и их представлений о системе отношений, связывающих людей друг с другом и с окружающим миром, как данных, настолько же значимых, как и факты западной науки, позволяет в сюжете буквально каждого произведения сборника совмещать высокие технологии Запада с традиционными учениями метисов. Отдельного упоминания заслуживает текст, озаглавленный «*ânikôhôtikan*», что на равнинном кри означает завязанную нитку бус, т.е. бусы, противоположные концы которых скреплены между собой. Именно эту языковую единицу Старейшина использует как метафору, проявляющую связь между прошлым и будущим, между детьми и предками народа. Для обозначения и предков и будущих поколений употребляется “*ânikôtapanak*” — родственная “*ânikôhôtikan*” единица: “The Elder thought for a moment, “*ânikôhôtikan* is a string of beads tied end to end, like the hanks you can buy. The words are related, though; *ânikê* refers to being linked together end to end. *ânikôtapanak* means the ancestors, but also our descendants”. The Elder mimed pulling a string of beads straight. “Our ancestors here” — she lifted her left hand ever so

¹⁰ Ibid. Michif Man.

slightly — “our descendants here”. She lifted her right hand a smidge, too. “Both are âniskôtapanak” <...> “That is where the âniskôtapanak meet”, she said, making the open and closed gesture again¹¹.

Также среди выдающихся экстралингвистических черт рассматриваемого сборника представляется необходимым отметить множественность и гибридность жанров, а также его автоэтнографичность. Что касается жанрового своеобразия, все произведения, вошедшие в состав сборника, отличаются друг от друга по объему и жанру. Некоторые сочетают элементы нескольких жанров. Например, «Dirty Wings» — художественный текст, вдохновленный одной из традиционных для коренных народов форм учений — сном (“rawâtmêwâcimowin (a spiritual dreaming story)”). В «Michif Map» соединены фрагменты доклада на научной конференции о реальной жизни загадочного супергероя метисов — Мичифмена — и привычное повествование от третьего лица о жившем в середине XX века в Эдмонтоне Френки Кэллиху и его невероятных приключениях. В свою очередь «âniskôhôsikan» представляет собой сразу три текста: хинт-фикшн из менее чем двадцати слов, прозаическую миниатюру флеш-фикшн и собственно рассказ, причем все на одну и ту же тему.

В отношении автоэтнографичности сборника следует отметить, что предисловию к восьми основным текстам сборника предшествует раздел «Locating Myself», в котором писательница подробно перечисляет своих родных до прапрапрадедов, а также территории и особенности ландшафта тех местностей, которые так или иначе оказали воздействие на ее представления о своей культурной и личностной идентичности в настоящий момент, очерчивая связи между собой, людьми и местами, что Б. Макдугал предложила назвать “kinscape” [Macdougall, 2010], пейзажем родства в широком понимании. Неудивительно поэтому, что обнаруживаются сходства или связи между некоторыми персонажами и родными писательницы. Например, героиня новеллы «The Buffalo Bird» — Анжелик Луайе, а это имя прапрапрабабушки автора, в девичестве Анжелик Кэллиху, которая вышла замуж за Луи Луайе; Мичифмэн, метисский супергерой середины XX столетия, носит фамилию Кэллиху, то есть также приходится родственником автору. Ч. Вауэлл в комментариях к текстам и заключении подчеркивает, насколько ценно было для нее сфокусироваться именно на микро- и макроистории, имеющей отношение к ее идентичности, сколько сведений о своих родных, о

¹¹ Ibid. âniskôhôsikan.

событиях и реалиях разных эпох, происходивших вокруг Лак Сент-Анн, ей удалось проработать. Таким образом, автор на собственном примере демонстрирует возможности реконструирования и/или переосмысления своего места / места семьи в истории народа, места культуры в мировой истории и в будущем человечества.

Отдельно хотелось бы остановиться на лингвистическом оформлении сборника Ч. Вауэлл «Buffalo Is the New Buffalo». В первую очередь обращает на себя внимание название, поскольку заключенные в нем идеи пронизывают все представленные в сборнике тексты, и уже во введении автор комментирует целесообразность использования метафоры “Buffalo Is the New Buffalo”. Бизон, как известно, занимает одну из ключевых позиций в культуре метисов, так как на протяжении многих лет до полного истребления живших в дикой природе равнинных бизонов эти животные являлись, с одной стороны, источником жизни, давая продукты питания, материал для изготовления одежды, товары для торговли, а с другой — следование за бизонами и правила охоты структурировали общество и упорядочивали отношения между людьми. Лишившись столь значимой части культуры, народ оказывается перед выбором: заикливать внимание на том, что уже не вернуть, и понимать формулировку “X is the new buffalo” как призыв горевать над утратой чего-то невосполнимого, подобного по значимости дикому равнинному бизону для народов канадских прерий; или же воспринимать какой-то объект/феномен как нечто, достойное того, чтобы взять на вооружение и относиться с пиететом, как метисы относились к бизону. Отсюда метафоры типа “Education is the new buffalo”¹² и “Pipelines are the new buffalo”. Писательница в качестве первой части уравнения употребляет имя культуруносного концепта “buffalo”, чтобы подчеркнуть возможность, реальность возвращения к жизни важнейшего пласта культуры — традиционных учений, которые доминирующая группа белых колонизаторов позиционирует как пережитки прошлого, не способные вести культуры меньшинств к благополучному будущему.

Используя лексику “buffalo” вместо более привычной и более подходящей в плане семантики с точки зрения представителей западных культур лексики “bison”, Ч. Вауэлл и ее персонажи не просто констатируют свою принадлежность к культуре канадских метисов и подчеркивают статус метисов как народа, а не как результата исто-

¹² См., например, *Weasel Fat R. What's the big idea? “New Buffalo” // Wider Horizons / Lethbridge Polytechnic, 2017. URL: <https://lethpolytech.ca/wider-horizons/fall-2017/whats-big-idea-new-buffalo> (accessed: 01.12.2024).*

рического процесса. Они делают это с пафосом этноцентризма. Так, героиня новеллы «Maggie Sue», от лица которой ведется повествование, обращаясь к допрашивающим ее белым полицейским, комментирует целесообразность употребления конкретной лексемы, параллельно обвиняя всех представителей их культуры в геноциде и неправомерности предъявления каких-либо претензий к кореным народам: “Huh? Bison? Yeah, I know that’s the right word, but you understand me when I say buffalo, don’t you? I mean, it’s a little rich to tell neechies how to call an animal your folks only met a hundred years ago or something. And that you genocided so you could build McMansions on all our lakes. Do you speak Michif? Cree? Nakota? How about Saulteaux? Know how to say buffalo in any of those languages? No? Okay, then. I get to say bison or buffalo all I want, how’s that? No, I don’t care if your family wasn’t here when it happened. You want this story or not? Sorry, that’s just a pet peeve of mine. Buffalo buffalo buffalo”¹³.

Единственный персонаж из числа метисов, который акцентирует внимание на означаемом, а не на языковом знаке, который закрепляется за этим означаемым, — это героиня рассказа «I, Bison» Гас, обнаружившая сознание своей умершей кузины в теле бизона в цифровом пространстве: “About that. Angie, why the fuck are you a buffalo?” “Ahem. I am a bison, thank you”, she answered in mock disapproval, her relief at the change in topic palpable. “Buffalo, bison; potato, potahto. Seriously, how did this happen?”¹⁴. Для девушки не имеет принципиального значения вербальный ярлычок, навешиваемый на облик ее сестры в настоящий момент, важно лишь, что теперь, с точки зрения Старейшин, ее душа не сможет найти после смерти путь к предкам, ведь девушка оказывается привязанной к миру живых посредством технологий.

Еще одним значимым, на наш взгляд, аспектом языкового оформления сборника «Buffalo Is the New Buffalo» является активное внедрение автором в текст единиц из равнинного кри. Это может произвести несколько противоречивое впечатление на читателя, поскольку Ч. Вауэлл характеризует свой труд как работу в русле метисского футуризма, а не футуризма кри, однако использует не мичиф, а именно равнинный кри. Дело в том, что, по собственному признанию автора, несмотря на то, что она считает себя носителем культуры метисов (поскольку ее мать — метиска, а отец — белый с украинскими и ирландскими корнями), единственный из говоров

¹³ Vowell C. Buffalo Is the New Buffalo. Arsenal Pulp Press, 2022. Maggie Sue.

¹⁴ Ibid. I, Bison.

коренных народов Канады, которым она владеет, — это диалект Y равнинного кри: “nêhiyawêwin (Plains Cree, Y dialect)”. Прибегая к аргументам Т. Бидз о тесных связях между метисами и кри и о частичном совпадении учений кри и метисов, Ч. Вауэлл описывает философскую основу своей идентичности не как Т. Бидз: вместо “nêhiyawî-itâpisiniwîwin” [Beeds, 2014] — «мировосприятие кри, которое разделяют метисы» — она выбирает формулировку “otîpêyimisow-itâpisiniwîwin”, чтобы подчеркнуть транслируемый в ее произведениях фрагмент мировосприятия метисов, разделяемый кри.

Примечательно, что писательница применяет стандартный вариант романизации кри, а не варианты, используемые в тех источниках, с которыми она работала, тем самым максимально обобщая тот пласт культуры кри, который в конечном счете оказался интегрирован в ее метисское сознание и самосознание. Интересно также и то, что употребляемые Ч. Вауэлл в разных текстах сборника единицы из кри нередко остаются без перевода или даже комментариев. В тех же случаях, где пояснения есть, они очень немногочисленны (например, из 37 случаев использования лексемы “kookum” только в одном имеется пояснение: “my mom, kookum’s daughter”, притом что “kookum” употребляется не только в качестве эквивалента термина родства). Редким исключением является единица “wiya”, которая регулярно комментируется и в самом тексте и за его пределами, что, как нам представляется, связано с тем, насколько важно для автора четко обозначать гендерную идентичность. О своей гендерной и прочих идентичностях Ч. Вауэлл заявляет в начале сборника: “I am a white-looking, cis, queer, ...”¹⁵. “Wiya” преимущественно используется автором при описании персонажа мифологии кри и других коренных народов, которого равнинные кри в период с весны до осени не называют по имени. Писательница и ее герои обращают внимание на широко распространенный среди представителей культуры «белых угнетателей» стереотип о том, что Старший Брат — мужчина, и спешат развеять такие представления, поскольку в равнинном кри нет аналога англоязычных местоимений “he” и “she”, зато наличествует гендерно-нейтральная единица “wiya”, позволяющая показать, что вышеупомянутый персонаж мифологии не стеснен гендерными рамками: “And don’t be fooled — just because I keep saying “he” and “Brother” I’m telling you That One isn’t constrained by gender. English uses “she” and “he” but in Cree it’s just wiya, and wiya has no gender”¹⁶.

¹⁵ Ibid. Locating Myself.

¹⁶ Ibid. Maggie Sue.

В подавляющем же большинстве случаев, как было отмечено выше, читателю необходимо самостоятельно «вскрывать» семантику и прагматику представленных в тексте элементов равнинного кри с привлечением словарей и справочников. Такое положение дел неслучайно: автор прямо заявляет, что намеренно оставляет некоторые используемые неанглоязычные единицы без пояснений, чтобы аудитория прикладывала когнитивные усилия для постижения хотя бы каких-то фрагментов описываемой культуры — метисской, ведь для представителей коренных народов не составляет труда пользоваться критической литературой и методическими рекомендациями, когда они изучают произведения классической западной литературы или когда встречаются в английском языке заимствования из других языков: “Just as I have had to research the sources of literary allusions unfamiliar to me in order to access deeper meanings within Western European literature, I expect this work to be done by non-Indigenous peoples, especially those on our lands. <...> I refuse to always translate, because I want non-Indigenous people to learn these words, as they have learned French, Spanish, German, and Japanese phrases which are peppered throughout English”¹⁷.

В целом, анализ художественных текстов, представленных в сборнике Ч. Вауэлл «Buffalo Is the New Buffalo», дает основания говорить о том, что «глобальная стратегия» автора в области речевого воздействия, — это «игра на понижение» по О.С. Иссерс [Иссерс, 2017], что проявляется в активном использовании одной из самых сильных конфликтных стратегий речевого поведения — стратегии дискредитации. Она реализуется в рассмотренных произведениях, например, посредством тактики обвинения (“Maybe me being such a fuck-up wasn’t just a me and my bootstraps problem. Maybe never having space without colonizers colonizing means we can’t actually fix anything yet. Maybe we can’t be good relations because we have to relearn how, and no one is actually giving us the time to do it”¹⁸, — в пресуппозитивной форме и эксплицитно дается негативная информация о колонизаторах: уже самим фактом своего существования в жизни коренных народов они не дают последним возможности восстановить связь с традиционной культурой и укрепить свое психологическое благополучие); использования иронии и даже сарказма по отношению к доминирующей культурной группе — потомкам белых европейцев; драматизации. Еще одной отличительной чертой лингвистическо-

¹⁷ Ibid. Dirty Wings Exploration.

¹⁸ Ibid. Maggie Sue.

го оформления сборника можно считать свободное использование ненормативной лексики, включая сленгизмы типа “neechies”, употребляемые по отношению к ингруппе, а также обценгизмы типа “f-word” и его производных, которые, что примечательно, по преимуществу не применяются для оскорбления выходцев из культуры колонизаторов, а выполняют эмоционально-экспрессивную функцию, выражая переживания героев в связи с тем, что жизнь их складывается не так, как хотелось бы.

Таким образом, проведенное исследование художественных текстов, вошедших в сборник «Buffalo Is the New Buffalo» Ч. Вауэлл, а также комментариев писательницы к ним, позволяет заключить, что в идиоконцептосфере автора метисский футуризм предстает метаконцепцией культуры, позволяющей как создателю текста, так и его целевой аудитории вместе «думать иначе» и «поступать иначе» за счет максимальной персонализации формата и содержания произведения: автор демонстрирует возможности эффективного (ре)конструирования в тексте и посредством текста культурной, личностной и прочих видов идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ефимова А.Д.* Термин «метаконцепт» и понятия терминологического ряда с компонентом «мета» // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. 2022. № 4(75). С. 26–35.
2. *Болдырев Н.Н.* Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л.Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 16–25.
3. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Ленанд, 2017.
4. *Beeds T.* Remembering the Poetics of Ancient Sound kistêsinâw/wisah-kêcâhk's maskihkiy (Elder Brother's Medicine) // Indigenous Poetics in Canada / ed. Neal McLeod. Waterloo: Wilfrid Laurier University Press, 2014. P. 61–72.
5. *Ghostkeeper E.* Spirit Gifting: The Concept of Spiritual Exchange. Master of Arts Thesis. 1995.
6. *Lyons S.R.* Rhetorical Sovereignty: What Do American Indians Want from Writing? // College Composition and Communication. 2000. № 3(51). P. 447–468.
7. *Macdougall B.* One of the Family: Metis Culture in Nineteenth-Century Northwestern Saskatchewan. Vancouver: UBC Press, 2010.
8. *McLeod N.* Cree Narrative Memory: From Treaties to Contemporary Times. Saskatoon, Saskatchewan: Purich Publishing Limited, 2007.

Sof'ya S. Gretskaya

LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC ASPECTS
OF “MÉTIS FUTURISM” AS A TOOL FOR IDENTITY
(RE)CONSTRUCTION IN FICTION

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; gnole_fungle@mail.ru

Abstract. The focus of the present paper is on “Métis futurism” as a conceptual framework that allows writers to actualize, construct and reimagine personal, cultural and other types of identity in and through fiction. Characteristics of “Métis futurism” as postulated by Ch. Vowell, a Canadian Métis writer, are examined through a study of her short story collection “Buffalo Is the New Buffalo” (2022) accompanied by the writer’s commentaries. The aim is to outline the key extralinguistic and linguistic aspects of Métis futurism as exemplified by Ch. Vowell’s fiction, as well as to analyze the function of the metaconcept in question within the author’s idioconceptual subsystem.

The results obtained show that given the hybridity of genres, postcolonial speculative rhetoric, a set of culture-specific concepts relevant for the Métis people and other Indigenous cultures, alongside the extensive use of the speech strategy of discredit and non-English language means that the target audience is supposed to decode on its own, “Métis futurism” allows the writer to personalize and customize the format and the content of their fiction in accordance with their goal of inviting the audience to participate in the (re)construction of all kinds of identity in and through text, thereby performing its interpretive function.

Keywords: metaconcept; interpretive function of a concept; Métis futurism; concept as actualized in fiction; identity (re)construction in fiction

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Gretskaya S.S. (2025). Linguistic and Extralinguistic Aspects of “Métis futurism” as a Tool for Identity (Re)Construction in Fiction. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(28), pp. 37–51. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-1-3 (In Russ.)

About the author: Sof'ya S. Gretskaya — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; gnole_fungle@mail.ru

REFERENCES

1. Efimova A.D. 2022. Termin “metakontsept” i ponyatiya terminologicheskogo ryada s komponentom “meta” [The term “metaconcept” and the notions of the terminological series with the component “meta”]. *Vestnik TvGU. Ser. Filologiya*, no. 4(75), pp. 26–35. (In Russ.)

2. Boldyrev N.N. 2016. Tipologiya kontseptov i yazykovaya interpretatsiya [The typology of concepts and linguistic interpretation]. *Novaya Rossiya: traditsii i innovatsii v yazyke i nauke o yazyke: materialy dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi yubileyu Zasluzhennogo deyatelya nauki RF, doktora filologicheskikh nauk, professora L.G. Babenko, 28–30 sent. 2016 g., Ekaterinburg, Rossiya*. M.; Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi, pp. 16–25. (In Russ.)
3. Issers O.S. 2017. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. M., Lenand. (In Russ.)
4. Beeds T. 2014. Remembering the Poetics of Ancient Sound kistêsînâw/wisahkêcâhk's maskihkiy (Elder Brother's Medicine). *Indigenous Poetics in Canada / ed. Neal McLeod*. Waterloo, Wilfrid Laurier University Press, pp. 61–72.
5. Ghostkeeper E. 1995. *Spirit Gifting: The Concept of Spiritual Exchange*. Master of Arts Thesis.
6. Lyons S.R. 2000. Rhetorical Sovereignty: What Do American Indians Want from Writing? *College Composition and Communication*, no. 3(51), pp. 447–468.
7. Macdougall B. 2010. *One of the Family: Metis Culture in Nineteenth-Century Northwestern Saskatchewan*. Vancouver, UBC Press.
8. McLeod N. 2007. *Cree Narrative Memory: From Treaties to Contemporary Times*. Saskatoon, Saskatchewan, Purich Publishing Limited.

Статья поступила в редакцию 01.12.2024;
одобрена после рецензирования 15.12.2024;
принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 01.12.2024;
approved after reviewing 15.12.2024;
accepted for publication 25.12.2024.